

А.В.Литвинов, И.А.Литвинова

Вселенная сердца глазами врача

УДК 61(091):612.17

ББК 63.3(0):54.101

Л64

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Все иллюстрации для данного издания взяты из открытых источников либо являются собственностью издательства.

Литвинов А.В.

Л64 Вселенная сердца глазами врача / А.В.Литвинов, И.А.Литвинова. — М. : МЕДпресс-информ, 2015. — 216 с. : ил.

ISBN 978-5-00030-197-5

Истинная роль сердца в истории развития цивилизации представлена его образом и символикой. Согласно воззрениям современного человека функция сердца не ограничивается его физиологическими свойствами, то есть способностью обеспечивать циркуляцию крови в организме. Сердце служит не только вместилищем совести человека, но и его души, в связи с чем эти два понятия представляются проявлением единой сущности. «Нравственность — это разум сердца», — писал Гейне.

Охватывая материальный и духовный аспекты жизни, сердце становится источником телесно-чувственных переживаний человека и, следовательно, их символом и носителем не только прямого, но и переносного значения. «Никакому воображению не придумать такого множества противоречивых чувств, какие обычно уживаются в одном человеческом сердце», — писал Ларошфуко. В этом, вероятно, кроется объяснение того, что в основу человеческой культуры положена именно сердечная символика. Вплоть до настоящего времени сердце остается в числе центральных образов философии и литературы, существенно влияя на формирование человеческой культуры и истории.

Авторы этой книги попытались оценить роль сердца в истории развития человечества, мировой цивилизации и культуры на фоне формирования мировой медицинской науки в целом и кардиологии в частности.

УДК 61(091):612.17

ББК 63.3(0):54.101

ISBN 978-5-00030-197-5

© Литвинов А.В., Литвинова И.А., 2014

© Оформление, оригинал-макет, иллюстрации.

Издательство «МЕДпресс-информ», 2014

...Сердце является жизненным принципом и *sol microcosmi*,
Солнцем нашего микрокосмоса, точно так же
как Солнце можно назвать *cor mundi*, сердцем Вселенной.

У.Гарвей

Разве зерно природы не в сердце человека?

И.В.Гете

Содержание

Введение

7

Часть 1.

Сердце в мировой культуре. Философия сердца

11

Древнешумерские
государства

13

Древний Китай

16

Древний Египет

24

Древняя Греция

29

Древний Рим

36

Древняя Индия

40

Цивилизация ацтеков

42

Библейское учение о сердце

50

Сердце как орган познания мира владыки Луки

60

«Сердечная» философия Парацельса, Декарта и Монтеня

63

Медицинские аспекты смерти Христа

67

Сердце как реликвия

87

Часть 2.

Возникновение и становление кардиологии

99

На пути к истине

101

Открытие малого круга кровообращения

112

Становление современных представлений
о кровообращении

114

Этические и религиозные проблемы
трансплантации сердца

120

Трансплантация сердца и ее последствия

123

Часть 3.

«Нобелевское» сердце

127

Сердце выходит на связь

129

Открытие «биологических ворот» клетки

133

Мастер первой руки

139

Проникновение в живое сердце

145

Гемодинамика сердца

150

Открытие нового принципа терапии
в кардиологии
153

Холестерин: друг или враг?
156

Газ преподносит сюрпризы
162

Часть 4.

Художественное пространство кардиологии
167

Эмоциональное сердце
169

Диагностика заболеваний сердца
175

Острый коронарный синдром.
Инфаркт миокарда
178

Стенокардия
184

Нарушение сердечного ритма
188

Гипертоническая болезнь
и ее осложнения
192

Тюремная медицина
200

Чувство страха смерти в кардиологии
202

Воля к жизни перед ликом смерти
206

Литература
212

Введение

Мы не устаем твердить, что эпохи расцвета, эпохи возрождения, эпохи благосостояния вытекали из благодатных источников Культуры. Пытаться разьединить так называемую материальную жизнь от всех прекрасных завоеваний Культуры, это значило бы пытаться представить себе живущего человека без сердца.

Николай Рерих

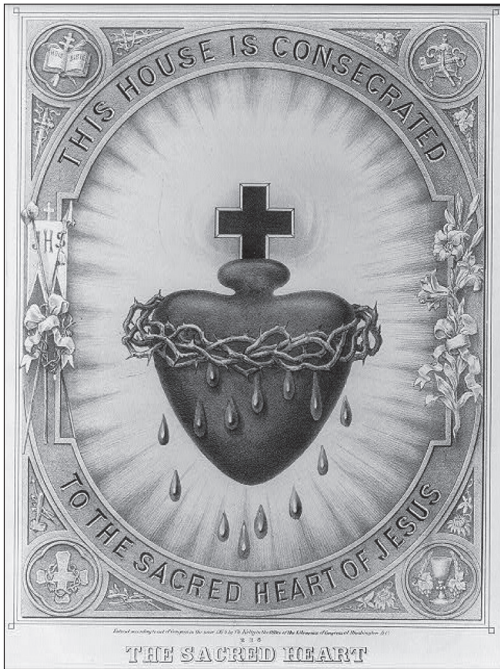
Дошедшие до нас из глубины веков сведения о первых медицинских знаниях и медицинском опыте как проявлениях мировой культуры указывают на наличие многовековых параллелей между культурами Востока и Запада. Подобного рода диалог разделенных веками цивилизаций касался формирования понятий о первоначальных стихиях, формирующих организм и здоровье человека. Особое значение придавалось изучению влияния космоса и планет на жизненную силу и общую энергетику организма человека (понятие о «пневме» в Древнем Египте и Греции, «ци» — в Китае, «пране» — в Индии). В каждой из цивилизаций и древних культур проявлялась отчетливая связь между медициной и религией своего времени. Залогом этого являлось развитие медицинского опыта и практики в древних храмах Вавилона, Египта, Греции и Китая. Появившееся в последующие века христианство оказало значительное влияние на развитие медицины. При передаче монашескими орденами ведения больных светским врачам в XIII в. обращалось внимание на Папскую буллу (официальное послание Папы Римского), согласно которой врач, посещающий пациента более одного раза в неделю, должен был приглашать с собой духовное лицо с целью заботы о душе больного.

Особое звучание диалога этих разделенных культур проявлялось в представлении различных цивилизаций Востока и Запада о роли сердца в организме и судьбе человека. В медицине Древнего Китая под словом «сердце» понимали всю систему кровообращения, тесно связанную с физическим

и психическим состоянием человека, что соответствовало пониманию роли сердца в античной Греции. В то же время учение о пульсе радикально различается в медицине Востока и Запада. В связи с этим сердце представляет собой один из самых древних, главных и глубоких по содержанию символов в истории человеческой культуры, занимающих в этом диалоге центральное место.

Историю развития кардиологии невозможно понять вне ее связи с развитием естественно-научных представлений, философских и религиозных взглядов на мир. Начиная с древнейших времен Месопотамии, за три тысячи лет до нашей эры, образ сердца связывает между собой телесную и духовную сущность человеческого бытия. На протяжении многих веков формировалось убеждение в том, что личностные и нравственные качества сердца человека определяют его судьбу после смерти. *«Вознаграждению и наказанию подвластно все в этом мире. Все, кроме сердца»*, — писал английский историк и поэт Томас Маколей (1800–1859). Вплоть до настоящего времени сердце остается в числе центральных образов философии и литературы, существенно влияя на формирование человеческой культуры и истории.

«Сердце имеет свои доводы, отличные от доводов разума» — это высказывание Блеза Паскаля взята в качестве эпиграфа к своей книге «История сердца в мировой культуре» исследователь в области филологии, истории и теории литературы Уле Мартин Хейстад. В этой уникальной по сути и содержанию работе исследователя-

Пресвятое Сердце – символическое сердце Христа, увитое терновым венцом, – объект сакрального поклонения Католической церкви

филолога прослеживаются существовавшие традиции изображения сердца в культурах Древнего мира, Средневековья, Возрождения и Нового времени. По мнению автора, чувства и эмоции человека определяются особенностями языка, которые формируют модель его эмоционального переживания.

Истинная роль сердца в истории развития цивилизации представлена его образом и символикой. Согласно воззрениям современного человека, функция сердца не ограничивается его физиологическими свойствами, т.е. способностью обеспечивать циркуляцию крови в организме. Сердце служит не только вместилищем совести человека, но и его души, в связи с чем эти два понятия представляются проявлением единой сущности. «Нравственность — это разум сердца», — писал Гейне. Охватывая материальный и духовный аспекты жизни, сердце становится источником телесно-чувственных переживаний человека и, следова-

тельно, их символом и носителем не только прямого, но и переносного значения. «Никакому воображению не придумать такого множества противоречивых чувств, какие обычно уживаются в одном человеческом сердце», — писал Франсуа Ларошфуко. В этом, вероятно, кроется объяснение того, что в основу человеческой культуры положена именно сердечная символика.

В противоположность этому, по мнению ряда философов, мозг человека и его разум отражают лишь материальную сторону бытия и не принадлежат к смысловой символической категории. На этом, вероятно, и построено приведенное выше изречение Паскаля. «Ум всегда в дураках у сердца», — иронизировал по этому поводу Ларошфуко. Тем не менее английское выражение «learn by heart» указывает на наличие прочной связи между сердцем и разумом. «Сердце и ум — две конечности баланса. Опустите ум в глубину познания — вы поднимите сердце до небес», — писал Гюго. Кроме того, в современном мире европейского человека, в его мировоззрении, существует очевидная и тесная связь между сердцем и душой. «Ум — око души, но не сила ее, сила души — сердце», — полагал французский философ и писатель Люк Вовенарг.

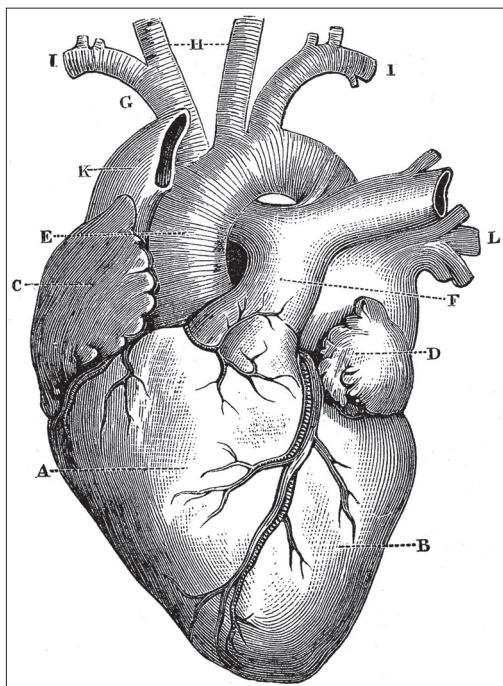
Связь между сердцем как физиологическим органом и сердцем как образом или символом наиболее ярко отражена в произведениях норвежской писательницы, лауреата Нобелевской премии Сигрид Унсет (1882–1949). «Течет время, меняются обычаи и порядки, на многие вещи люди начинают смотреть по-иному, не меняется одно — наше человеческое сердце», — писала она в завершении романа «Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола».

Однако не все разделяют такую точку зрения, полагая, что человек является самым непостоянным и непредсказуемым существом на земле. Много веков назад японская поэтесса Мурасаки Сикибу (973–1014) писала: «Сердце изменяется так быстро — не уследишь». В ответ на это

*Венера и Купидон – излюбленный сюжет средневековых художников.
На картине Пьера Максимилиана Делафонтена вечно юный Амур играет со стрелами,
пронзающими сердца влюбленных*

Сердце. Иллюстрация из анатомического атласа 1884 г.

человек стремится обрести в себе твердую и целостную основу. В качестве такого эталона он выбирает свое сердце, в котором заключены его душа и сознание. На созидающее начало сердца указывали представители романтизма, выдвигавшие на авансцену человеческого бытия именно чувства, а не разум. Именно такой взгляд сформировался в европейской культуре на протяжении многих столетий.

Особый интерес представляет оценка роли сердца в истории развития человечества и мировой цивилизации на фоне формирования мировой медицинской науки, чему и посвящено наше исследование. Работа над предлагаемой читателю книгой оказалась для нас не простым, но очень по-

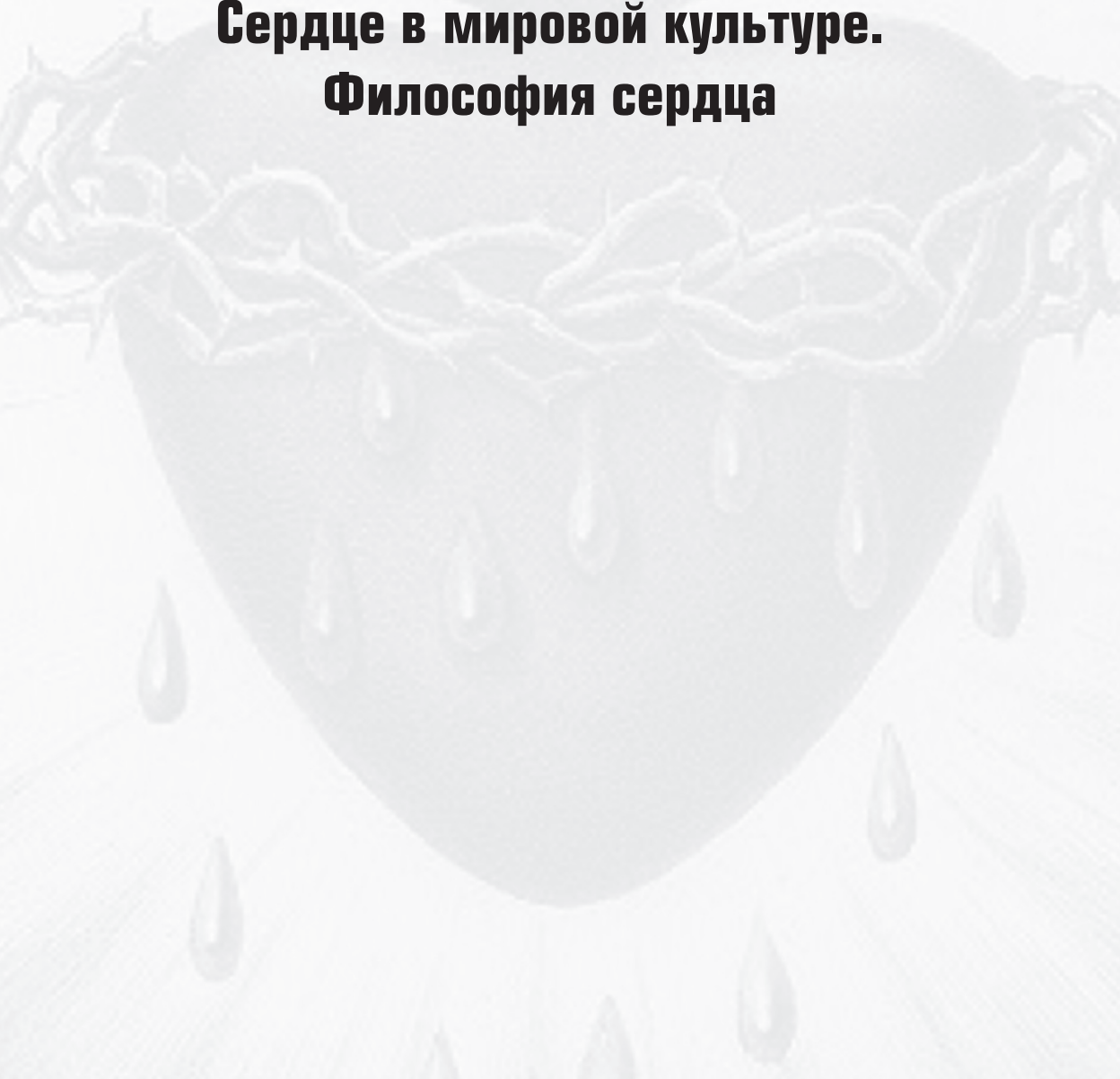
лезным делом. Собирая по крупицам материал для книги долгое время, мы отдавали себе отчет в важности и сложности задуманного. По сути дела, сущность нашей работы сформулирована Мишелем Монте-нем в его известной фразе: «*Могу сказать, что в этой книге я лишь составил букет из чужих цветов, а моя здесь только ленточка, которая связывает их*». Сирийский манускрипт, известный под названием «Евангелие Рабулы» (586 г.), в котором имеется самое раннее из дошедших до наших дней изображение сцены распятия Христа, содержит специальное «заклятье», призванное оберегать книгу от посягательств недобросовестных читателей: «*Эта книга есть собственность святого сообщества Св. Иоанна в Загбе. Если кто-либо унесет ее куда-либо, дабы читать ее, или переписать ее, или заново переплести ее, или спрятать ее, или вырезать из нее лист исписанный или не исписанный, даже если он произведет эти действия без нанесения ущерба книге, а тем более с нанесением ущерба, да будет он приравнен к разорителю кладбищ. С молитвой ко всем святым. Вовеки, аминь*».

Ответить на вопрос — для кого написана эта книга, можно словами Клавдия Галена: «*Ни днем, ни ночью не может он перестать подгонять себя и напрягаться, чтобы изучить в совершенстве все, что было сказано наиболее знаменитыми из древних... Для такого человека мой трактат окажется полезным. Такие люди немногочисленны. Для других эта книга будет столь же излишня, как история, рассказанная ослу*». Толчком же для начала работы над книгой послужило выражение Рэя Бредбери: «*Главное прыгнуть, а крылья появятся в полете*». Насколько нам это удалось — судить вам, дорогие читатели.

Часть 1.

**Сердце в мировой культуре.
Философия сердца**

Древнешумерские государства

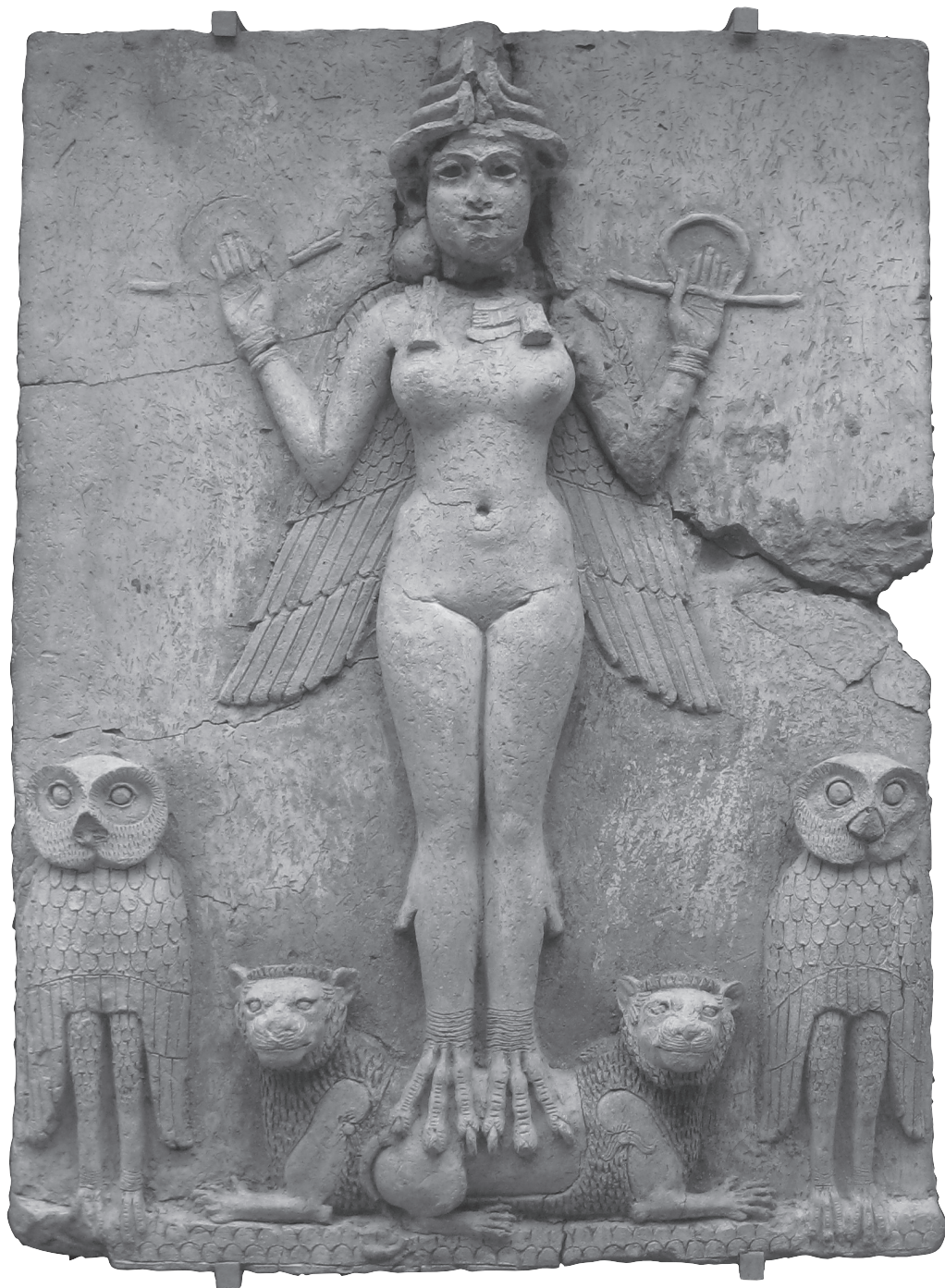
Сердце — вот истинный
рычаг всего великого.
Людвиг ван Бетховен

История человеческой культуры берет свое начало в Шумерском царстве — в Месопотамии, расположенной в долине двух рек — Тигра и Евфрата. Об этом свидетельствуют исторические находки пятитысячелетней давности, а также эпосы Иштар (ок. 3100 г. до н. э.) и, в частности, созданный после ассимиляции коренного шумерского на-

селения с аккадскими народностями, шумерско-вавилонский эпос о Гильгамеше. Поэма о Гильгамеше была записана на 12 шестиколонных табличках мелкой клинописью, включала около трех тысяч стихов и была создана примерно в XVII в. до н. э. Эти таблички были найдены в библиотеке царя Ашшурбанипала при раскопках Ниневии. На русский язык поэма

Гильгамеш и Энкиду убивают крылатого быка. Древнешумерский рельеф (реконструкция)

«Рельеф Берни» – древнешумерское изображение Инанны–Иштар

была впервые переведена Николаем Гумилевым в 1918 году.

Можно полагать, что именно в этом сказании впервые формируется образ сердца, рождающийся из дружеских отношений между шумерским царем Гильгамешем и сыном природы дикарем Энкиду. В период ранних отношений между героями Гильгамеш умиряет Энкиду, заставляя его разум покориться власти сердца под влиянием жрицы богини любви Иштар. Под воздействием дружбы с Энкиду характер Гильгамеша также меняется в лучшую сторону, и он совершает героические поступки. Благодаря их сердечным отношениям они становятся непобедимыми и вместе убивают насланного на них богиней Иштар небесного быка. Убив быка, они вырезают у него сердце и приносят его в жертву богу солнца Шамашу. Таким образом, сердце быка становится связующим звеном между сердцами героев и божеством. Этот сюжет указывает на главную роль сердца в шумерской культуре. С другой стороны, что особенно важно, мы имеем свидетельство о первом в истории мировой культуры приношении сердца в качестве жертвы.

После кончины друга сердце Гильгамеша наполняется страхом смерти, и всю оставшуюся жизнь он с беспокойным сердцем ищет жизненный эликсир, который смог бы сделать его бессмертным.

Важной частью шумерского наследия II тысячелетия до н. э. являются мифы о богине Инанне. В них повествуется о жизни после смерти в мире мертвых, где главную роль играет образ сердца. Инанна управляет жизнью на земле, а ее соперница, злая сестра Эрешкигаль, властвует над миром мерт-

вых. Инанна отправляется в мир мертвых, чтобы победить там смерть, нарушив при этом границу, преступать которую нельзя. С уходом Инанны в подземный мир жизнь на земле прекратилась. Чтобы вернуть ее назад и вселить ей в сердце волю к жизни, бог солнца направил в царство мертвых музыканта. Его игра по-разному затрагивает сердца обеих сестер. Сердце Инанны излечивается от боли, тогда как сердце Эрешкигаль наполняется ею. «Не разрывай сердце мое песней своей!» — восклицает она, обращаясь к музыканту. Примечательно, что в этом сюжете избран способ поражения противника именно в сердце. Наряду со свидетельством в поэме о первом в мировой культуре жертвоприношении сердца, этот ее фрагмент является, на наш взгляд, первым в истории медицины указанием на заболевание сердца.

Согласно имеющимся историческим сведениям, центральным органом человеческого тела в вавилонской культуре считалось отнюдь не сердце, а печень. Это было связано с тем, что шумеры считали сердце, в отличие от полнокровной печени, хранящей тайны будущего, легко уязвимым в бою и способным к излишнему самопереживанию органом. Доказательства этому мы находим в отрывках из эпоса о богине жизни Инанне. В дохристианской древней антропологии существовало выражение «говорить печенкой», так как именно по печени пытались разгадывать тайны будущего, которые в ней скрывались. Чувствительное к эмоциям человеческое сердце считалось органом чувств. Этим мотивом шумерской антропологии вдохновились в последующем представители египетской культуры.

Древний Китай

Нужно большое сердце – и не надо большой комнаты.
Китайская пословица

Традиционная медицина Древнего Китая сформировалась на мировоззренческой основе опыта первых цивилизаций, занимавшихся орошаемым земледелием в бассейнах рек Янцзы и Хуанхэ, которая в китайской литературе упоминается как «река, надрывающая сердце». В результате сельскохозяйственного «экономического мелиоративного чуда» с одного гектара пашни в то время кормилось до 130 китайцев. К «речным цивилизациям» той поры относят и государства Древнего Востока, расположенные в бассейнах рек Нила, Евфрата, Тигра и Инда, населенные египтянами, шумерами, вавилонянами и индусами. Занятие мелиорацией способствовало, вероятно, формированию своеобразного мышления древних китайцев, которое помогало им при изучении функционирования организма человека, в частности кровеносной системы.

Философия народов эпохи перехода к земледелию уделяла особое внимание в природе, окружавшей человека, некоему началу, которое было выражено египтянами в виде двух пиктографических символов: пылающего костра и наполненного ветром паруса. Учеными-востоковедами установлено, что этими знаками обозначались начало, рождающее способность всего живого к движению (парус) и теплу (костер). У древних греков оно получило название «пневмы» («воздух, дуновение»). В философии народов Древнего Востока движущее начало в природе также находилось в воздухе. На протяжении многих последующих веков эти учения будут иметь решающее

значение при построении теорий о жизнедеятельности организма и, в частности, работы сердца.

На смену первым представлениям вавилонян и египтян о природе здоровья и болезни, основанным на понятии эманации (излучения), исходящей от планет и звезд космического пространства, в китайской и индийской философии появились новые гипотезы. Наряду с воздухом как основным носителем здоровья человека важное значение стало уделяться и другим первичным природным элементам – земле, воде и огню. Из этого следует, что представления врачей Древнего Китая о здоровье и болезни человека были более детализированными и имели большую практическую направленность.

Даосизм – религиозно-философское учение, зародившееся в Китае в VI–V вв. до н. э., – предполагал понятие нравственного масштаба здоровья: следуя естественной природе, человек будет не только здоров физически и духовно, но и счастлив. Пришедшее на смену даосизму конфуцианство обращало внимание, в первую очередь, на духовный и житейский облик человека. Согласно учению Конфуция, *«достойный человек, прежде всего, должен спрашивать с себя, а ничтожный человек спрашивает с другого»*. Превратившись с течением времени в политическое и социальное учение о справедливости и гармоничном управлении государством, конфуцианство до сих пор существует в Китае.

Развитие стихийного материализма в Древнем Китае проходило в сложной

Конфуций

Легендарный Желтый император (Хуан-Ди)

борьбе с конфуцианством и даосской религией, что существенным образом повлияло на формирование китайской медицины. Знания о строении тела человека стали накапливаться в Китае задолго до запрета на вскрытие тел умерших (ок. II в. до н. э.), который был связан с утверждением конфуцианства в качестве официальной религиозно-философской концепции. В трактате того времени «Хуан-Ди нэй цзин» («Канон Желтого императора о внутреннем») изложены пять типов темперамента человека. По времени написания это учение совпало с периодом формирования аналогичных представлений о физиологии человека в Древней Греции.

В целом же традиционное мировоззрение китайцев базируется на двух основополагающих и связанных между собой понятиях: неразрывном единстве человека и окружающей среды, а также тесной связи всех его органов и систем между собой. Здоровье человека рассматривается как постоянная борьба двух полярных сил, что отражает изменения, происходящие и в природе в целом.

В историческом аспекте китайская медицина в некоторых отношениях опередила западную. Упомянутый выше трактат «Хуан-Ди нэй цзин» был написан несколько раньше известных трудов Гиппократа (446–377 гг. до н. э.) – в период Весны и Осени (770–476 гг. до н. э.) и Враждующих империй (475–221 гг. до н. э.), что позволяет считать этот трактат одним из самых древних трудов по медицине. Книга написана в форме диалогов легендарного Желтого императора Хуан-Ди с придворными врачами. В ней было сказано, что земля, вода, огонь и растения проникают в организм человека с пищей, которая поступает в желудок и готовится для переваривания. В тонком кишечнике пища превращается в хилус, который по неизвестным каналам проникает в сердце и там превращается в кровь. Лишние остатки пищи выводятся из организма через толстый кишечник. Образовавшаяся в сердце кровь из хилуса черна, неподвижна, холодна и густа. Совершенство крови достигается путем попадания воздуха из легких в сердце, который вталкивается в него дыханием. Только после этого образовавшаяся благотворная кровь разносится по всему организму, наполняя его питательными веществами и материалом для построения других органов.

В медицине Древнего Китая была весьма популярна нумерология, в связи с чем символическое значение имело число 5. Силу и здоровье человека определяли 5 растений: рис, просо, ячмень, пшеница и соевые бобы. Движения в китайской гимнастике были основаны на поведении льва, оленя, медведя, обезьяны и птицы. Древние китайцы исповедовали медицинское учение о 5 темпераментах и 5 категориях характера человека. Пять элементов природы (дерево, огонь, земля, металл и вода) связывали 5 планет Вселенной (Юпитер, Марс, Сатурн, Венера и Меркурий) и 5 сторон света (включая центр) со структурой человеческого тела.

Согласно учению о полярных началах *инь* и *ян*, все вещи без исключения имеют

Нарушение сердечного ритма

Неправильно говорят «у меня сердце замерло». На самом деле происходит вот что: сердце как-то... запинается и хочет постоять секундочку, пока не вспоминает, что ему положено биться.

Мэгги Стивотер, «Баллада. Осенние пляски фей»

...А сердце стремительно падало вниз, ударяясь об обрывы и выступы. О ребра и селезенку.

Оксана Робски, «Устрицы под дождем»

Значительное внимание в художественной литературе уделяется одной из важных кардиологических проблем – нарушению сердечного ритма. Во многих литературных произведениях авторы при описании душевного состояния героев используют внезапно возникающие у них так называемые перебои, «тревогу» в работе сердца, что подчеркивает высоту эмоционального напряжения («Что так сердце, что так сердце растревожено»; «то забьется, то замрет»). Особенно это характерно для любовной лирики, где

чувственное сердце начинает страдать уже с периода романтической влюбленности.

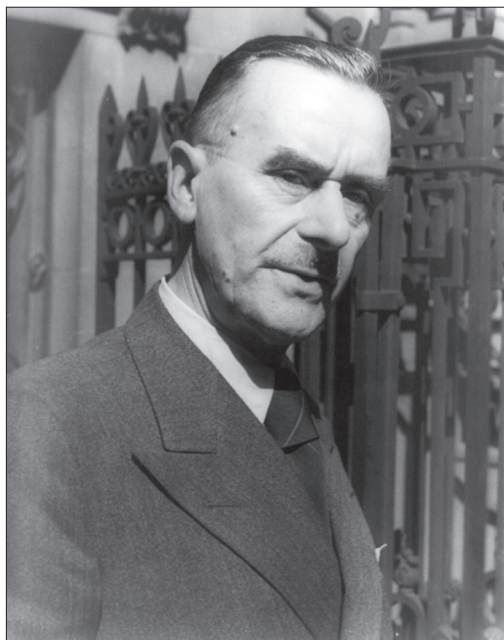
В одном из своих произведений Т.Манн пишет о жутком состоянии, когда *«тело иногда выказывает автономию от души: например, неожиданные сердцебиения, когда сердце колотится по собственной инициативе, без причин и без всякой связи с душевным состоянием»*. В такие минуты человек отчетливо понимает: *«Болезнь приближает человека к Богу, здоровье делает Его ненужным»* (В.Ерофеев).

Многие пациенты, страдающие ишемической болезнью сердца, предъявляют жалобы на ухудшение общего состояния в ночное время. Как верно отметил В.В.Набоков в стихотворении «Ангел хранитель»:

*В часы полуночи унылой
отчетливее сердца стук,
и ближе спутник яснокрылый,
мой огорченный, кроткий друг.*

«Тогда ночь полностью вступала в свои права и совершала то, что день совершить не мог, — хватала за сердце», — писал Эрих Мария Ремарк в романе «Гэм». Яркое описание такого рода приступа аритмии при стенокардии мы находим у одного из основоположников акмеизма, поэта Иннокентия Анненского, страдавшего врожденным пороком сердца:

*Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-черных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.
На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,*

Пауль Томас Манн

*И не знал я, придет ли рассвет
Или это уж полный конец...
О, смелее... Кошмар позади.
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло.*

Используя удачно найденную метафору, поэт сравнивает работу сердца с неуклюжими движениями слабых крыльев неоперившегося птенца, трепетание которых с периодами замирания свидетельствует о сложном нарушении сердечного ритма у больного с тяжелой сердечно-сосудистой патологией.

В апреле 1873 года, незадолго до своей смерти, другой поэт, Ф.Тютчев в стихотворении «Бессонница» описывает ночной приступ стенокардии с нарушением ритма:

*Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла,
И всюду воцарилась мгла. <...>
И сердце в нас подкидьшем бывает,
И так же плачется, и так же изнывает...
Но тщетно плачется и молится оно:
Все вокруг него и пусто, и темно!
Час и другой все длится жалкий стон,
Но наконец, слабея, утихает он.*

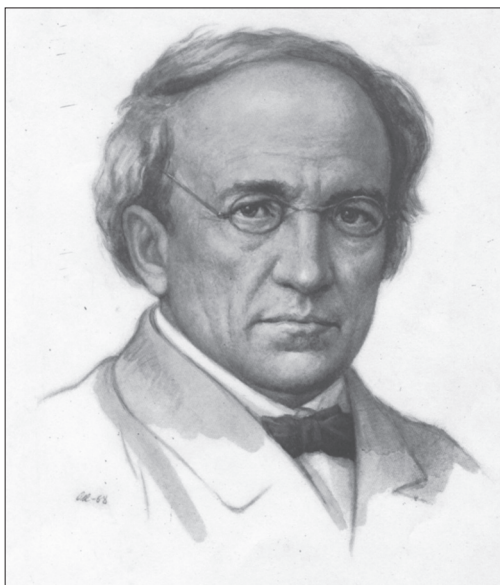
Первый известный по имени древнегреческий поэт Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.) писал: «Болезни дневные и болезни ночные... Они приходят, когда хотят, и несут смертную муку — в молчании, ибо Зевс не наделил их даром слова». А вот как описал свое состояние один из наших пожилых пациентов, страдающий ишемической болезнью сердца с нарушениями ритма после перенесенного инфаркта миокарда: «У меня экстрасистолия покоя. В положении лежа у меня останавливается сердце. Ночью и днем я нахожусь в положении сидя или стоя. Ночью, сидя, я засыпаю, и, сонный, я отклоняюсь по вертикали, оказываюсь в положении полусидя-полулежа, и тут же экстрасистолы разрушают ритм и пульс, и доходит до того, что ритм и пульс едва прослушиваются. Я просытаюсь от кош-

марного сна (почему-то так получается) и, проверив ритм и пульс, начинаю ходить, делаю гимнастику. Постепенно пульс улучшается. Я не высыпаюсь, когда-нибудь у меня случится инсульт. Я плохо себя чувствую, сердце работает с аритмией и экстрасистолами. После инфаркта сердцу, которому уже 79 лет, излишни напряжение и нагрузки, нервоз не по силам».

Ирина Одоевцева в «Стихах, написанных во время болезни», описывает наступление утра после бессонной ночи:

*Что болезни еще бесполезней
И бессмысленнее страданья?
“До свиданья, ночь! До свиданья!” —
Как шальные кричат петухи.
В этот час таинственно-ранний,
В час томительных воспоминаний
Заклинаю страданье — исчезни!
И чтоб мне простились грехи,
Превращая болезнь в стихи.*

Известный русский философ Н.А.Бердяев (1874—1948), принадлежавший, по его словам, «к расе людей чрезвычайно вспыльчивых, склонных к вспышкам гнева», страдал расстройством психики. Таким же характером обладали его отец и стар-

Федор Иванович Тютчев

Тюремная медицина

Сердце живет в заточении.
Отсюда его темные порывы и безнадежные муки.
Жан Кокто, «Двойной шагат».

Самое страшное не то, что жизнь разбивает сердце —
сердца создаются, чтобы быть разбитыми, —
но то, что она обращает сердце в камень.
Оскар Уайльд

Анна Андреевна Ахматова, как и многие ее современники, прожила жизнь, полную тревог и лишений. Проведя в страшные годы ежовщины семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде, она обещала незнакомой «женщине с голубыми глазами» описать все происходящее в то время в стране. Итогом этого обещания стала поэма «Реквием».

*Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна. <...>
Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград. <...>
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.*

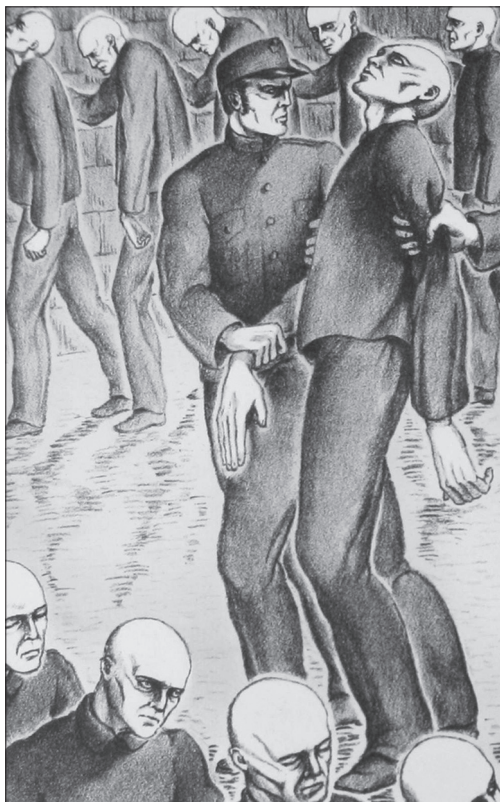
Тема тюремной медицины в художественной литературе особая и требует отдельного внимания. Обозначим хотя бы коротко некоторые ее фрагменты, кардиологической направленности.

Оскар Уайльд, современник А.П.Чехова, вынужден был провести несколько лет в Редингской тюрьме Ее Величества. Свои личные переживания, связанные также и с его болезнью в тюрьме, он выразил в «Балладе Редингской тюрьмы»:

*Не всем — тюремного врача
Выдерживать осмотр.
А врач брезгливо тороплив
И безразлично бодр,*

*И кожаный диван в углу
Стоит, как смертный одр.*

В сочетании с моральным, физическое насилие над человеком также оказывает выраженное негативное влияние на состояние сердечно-сосудистой системы. В произведении Джека Лондона «Межзвездный скиталец» автор рассказывает устами своего героя.

*Баллада Редингской тюрьмы.
Иллюстрация Жени Гэй*

Джек Лондон

«Меня крепко скрутили и оставили на сто часов (в смиренной куртке. — Авт.). Три раза в сутки мне давали глоток воды. <...> К концу ста часов тюремный врач Джексон несколько раз выслушивал... меня. <...> Я видел людей, на всю жизнь искалеченных курткой. <...> Вот, например, Вильсон Косоглазый, со слабым сердцем, который скончался в смиренной куртке в первый же час, в то время как ничего не подозревавший тюремный доктор смотрел на него и улыбался. <...>

— Исследуйте его! — приказал он (смотритель. — Авт.) доктору Джексону.

Это жалкое подобие человека стацило с меня заскорузлую от грязи рубаишу... Медицинский осмотр был произведен бесстыдно поверхностно.

— Выдержит? — спросил смотритель.

— Да, — ответил доктор Джексон.

— А как сердце?

— Великолепно».

Аналогичную ситуацию мы встречаем в произведении А.П.Чехова «Остров Саха-

лин»: «Доктор, молодой немец, приказал Прохорову раздеться и выслушал сердце для того, чтоб определить, сколько ударов может вынести этот арестант». «В отличие от других веков, применявших пытки небрежно, наш более требовательный век привносит в них своеобразный пуризм, делающий честь нашей жестокости», — писал философ Эмиль Мишель Сиоран.

В Грузии, в местечке Гелати, находится знаменитый собор, построенный царем Давидом IV (1089–1125), у входа в который над могилой монарха лежит большая, грубо отесанная гранитная плита. На плите, стертой за прошедшие века множеством ног, написано завещание грузинского царя: «Пусть каждый, входящий в этот храм, наступит на сердце мое, чтобы слышал я боль его...» Мудрая печаль нетленных слов веками заставляет каждого человека, входящего в храм, сдерживать дыхание...

Чувство страха смерти в кардиологии

О сердце! Когда, леденя,
Ты смертный почувствуешь страх..
Иннокентий Анненский

Каждый имеет в сердце свое «кладбище», куда никого не пускает — там только его страхи, его боль, сомнения и надежды.

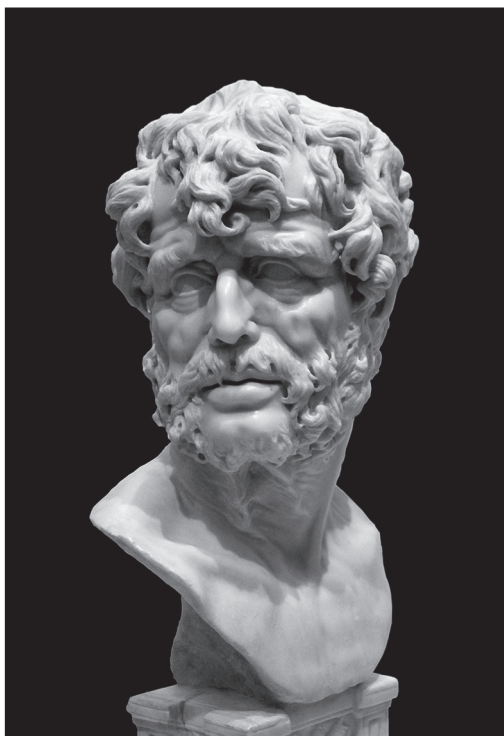
Чингиз Абдуллаев

Практически каждого живущего на Земле человека на протяжении всей его жизни довольно часто посещает весьма неприятное чувство страха предстоящей смерти. Начинается это с самого раннего детства, когда однажды, задумавшись и нахмурившись, ребенок впервые спросит: «А я умру?». Дальше следуют переживания по поводу смерти близких людей, знакомых, друзей, думы о своей предстоящей неизбежной кончине. «*Мы слишком мрачаем свою жизнь думами о смерти*», — писал М.Монтень. Сама по себе постановка вопроса о страхе смерти казалась бы странной и нелогичной, ведь жизнь как биологическое явление имеет определенный временной отрезок и ограничена датами рождения и неминуемой смерти любого человека. Однако подавляющее большинство людей с нормальной психикой не хотят ничего знать о времени предстоящей своей смерти. В повседневной действительности мы живем в состоянии пребывания в «ареоле вечности», не думая ежедневно и ежечасно, что вполне логично, о неумолимо приближающейся смерти. В противном случае эта непосильная для человека ноша давила бы тяжелым грузом на его мысли, планы и поступки. «*Люди спасаются только слабостью своих способностей — слабостью воображения, внимания, мысли, иначе нельзя было бы жить*», — писал И.А.Бунин. «*Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его жизнь состоит в размышлении не о смерти, а о жизни*», — писал великий Спиноза. Сама жизнь, в целом, весьма непредска-

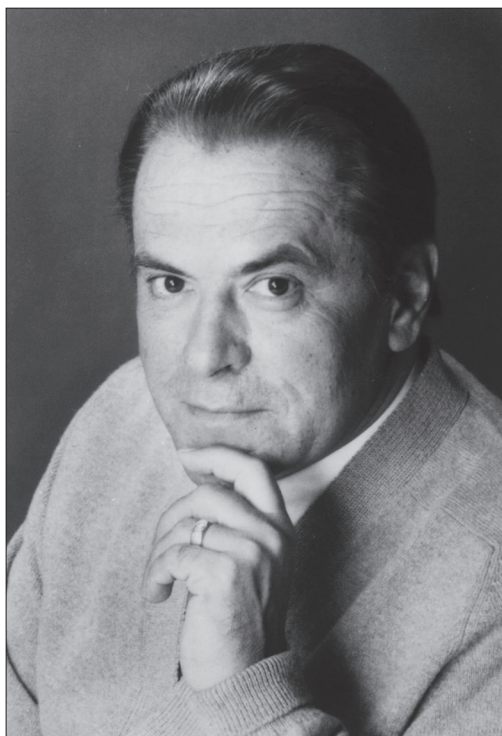
зуема, о чем нам постоянно напоминают философы. «*Умрешь ты не потому, что болеешь, а потому, что живешь*», — писал в свое время римский политик Луций Сенека.

Откуда же и когда в сознании человека возникает это чувство страха смерти, которое является постоянным спутником его жизни? По этому поводу имеется много мнений. Нас же будет интересовать эта проблема с медицинской точки зрения. Одну из попыток объяснения этого феномена представляет так называемая теория матриц американского врача и психолога чешского происхождения, основателя трансперсональной психологии Станислава Грофа (род. в 1931 г.), являющегося в настоящее время профессором психологии Калифорнийского института интегральных исследований. В созданной им концепции пренатального (дородового) существования человека он выделил четыре основных периода («базовые пренатальные матрицы»), которые, по его мнению, сохраняются в последующем в человеческом подсознании и формируют дальнейшую судьбу индивидуума.

Первая матрица («матрица наивности»), отражающая долгий период от зачатия организма до подготовки матери к родам, названа С.Грофом временем «золотого века». В нормальных физиологических условиях ребенок испытывает блаженство, спокойствие, умиротворение, ощущение полета «в океане тишины материнской утробы», он чувствует защиту и любовь матери. Завершается этот период появлением предупреждающих химических сигналов,

Луций Анней Сенека

Станислав Гроф

а затем — предвестниками начала родовой деятельности — механическими сокращениями матки. Первичное равновесие и гармония существования ребенка резко нарушаются и вызывают у него психологический дискомфорт.

Вторая матрица («матрица жертвы») с физиологической точки зрения характеризуется периодическими спазмами матки при еще не раскрытой ее шейке. Каждое сокращение матки приводит к ограничению притока крови и кислорода, поступающих к плоду. Ощущение невероятной силы давления со всех сторон в условиях стремительно развивающейся гипоксии вызывает у ребенка всеобъемлющее чувство возрастающей тревоги, состояния ужаса, безысходности (шейка матки еще закрыта!) и реальной угрозы для его жизни. Трудно даже себе представить, какими словами ужаса он мог бы описать свое состояние в момент появления на свет, если бы мог говорить!

Третья матрица («матрица борьбы») связана с периодом раскрытия шейки матки и появления для рождающегося ребенка возможности выхода из сложившейся ситуации. В этот момент он по-настоящему обречен начать «борьбу за выживание». Продвигаясь по родовому каналу, его тело по-прежнему подвергается тотальному механическому давлению со всех сторон в условиях дефицита кислорода и клинического состояния удушья. По Грофу, именно в этот период у ребенка закладываются основы большинства поведенческих, психологических и, как ни странно, социальных проблем.

Четвертая матрица («матрица свободы») характеризуется периодом появления ребенка на свет. Переход от водного к воздушному типу существования, изменение температурного, светового и атмосферного воздействия обуславливают сильнейший стресс для новорожденного, именуемый психологами *родовым шоком*.